

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ДЕТСКОЙ ПОРНОГРАФИИ: НА ПУТИ К «ПРОФИЛАКТИКЕ» ЭТИЧЕСКОГО И ЭСТЕТИЧЕСКОГО РЕЛЯТИВИЗМА

В настоящее время особую актуальность представляет разработка эффективной методологической программы поиска критериев порнографического изображения. Сферой повышенного внимания становится отсутствие целостной концепции анализа такого феномена, как детская порнография. В рамках данной статьи автор освещает ряд причин, «дезориентирующих» процедуру культурологической экспертизы подобных материалов. Предлагаются методологические ориентиры, повышающие эффективность выявления признаков порнографии с участием несовершеннолетних.

Ключевые слова: детская порнография; признаки порнографии; национально-культурная идентичность; культурологическая экспертиза; отечественная культура; культура детства.

Актуальность формирования эффективной методологической программы поиска критериев порнографического изображения сегодня становится все более очевидной. Стремительно меняющаяся социокультурная реальность постсоветского времени, замещающего этические, морально-нравственные, духовные ценности и традиции советской эпохи на прогрессивные либеральные установки западноевропейского толка, продолжает свое развитие и самоопределение. Однако очевидная несогласованность отечественного менталитета, обусловленного национально-культурной идентичностью и привнесенных культурных образцов (экономических, социальных, психологических, эстетических и т.д.), реанимирует проблему специфики «собственного пути».

Особое место в идентификационной модели отечественной культуры занимают изобразительные нормы и традиции, представляющие сферу половых отношений. Вместе с тем сегодня сложно говорить о наличии культурно-обусловленных границ репрезентации данных взаимоотношений в пространстве искусства и массовой культуры. Среди причин подобной неопределенности можно указать на «кризис идентичности», имеющий глобальный характер и не миновавший Россию. Однако мы полагаем, что не следует надеяться на жизнеспособность базовых принципов отечественной национально-культурной идентичности – более эффективна в сложившихся социокультурных обстоятельствах их актуализация. Данный подход имеет прямое отношение к проблемному полю феномена распространения порнографии. Экспертная практика демонстрирует недостаток опоры как на мировой опыт (приводящий к заимствованию чуждых форм свободы выражения), так и на отечественные сиюминутные представления (скоротечные и неустойчивые в основаниях). Учет требований времени, с одной стороны, и поддержка национально-культурной преемственности – с другой, должны лечь в основу методологических принципов выявления порнографических признаков в изобразительном искусстве и массовой культуре. Именно эта позиция становится идейным ориентиром, определяющим ход наших рассуждений.

В рамках данной статьи мы обращаемся к такому срезу общей проблемы распространения порнографии, как феномен «детской порнографии» (порногра-

фическое изображение несовершеннолетних). Отсутствие сложившихся методологических основ анализа подобных материалов отрицательно сказывается на практике культурологической (искусствоведческой) экспертизы. Сегодня ее принципы находятся в стадии формирования, самоопределения и поиска своего места среди других видов экспертной деятельности [1]. Эти поиски сопровождаются дискуссиями, столкновением различных точек зрения, оценок и мнений. Определенную упорядоченность в междисциплинарную разногласию подходов (судебно-медицинского, психологического, сексологического и пр.) вносит, к примеру, маркировка предметной области каждой экспертизы, в том числе искусствоведческой [2]. В свою очередь, в нашем исследовании представлена попытка осветить ряд причин, затрудняющих процедуру культурологической экспертизы порнографических материалов. Также намечаются ориентиры, повышающие эффективность выявления признаков порнографического изображения несовершеннолетних детей.

В настоящее время проблема нормативности границ пристойного / непристойного остается предметом острейших дискуссий и поводом для активных исследований гуманитарных дисциплин. Но целостной, сложившейся концепции пока не выработано. Между тем теоретические затруднения в данной сфере имеют крайне негативные последствия. Известно, что результатом размытости самого понятийного аппарата и отсутствия критериев порнографического изображения являются как «правовой беспредел» (безосновательные обвинения), так и попустительство.

Сегодня в качестве общепринятого используется определение порнографии (с греч. *pornos* – грязь, *porneia* – шлюха, *porno* – неприличный, *graphein* – писать) как крайней непристойности, циничности в изображении чего-нибудь, связанного с половыми отношениями; как неприличное изображение сексуальных отношений [3. С. 327]. При этом непристойное и циничное поведение либо отношение к чему-нибудь характеризуются как пренебрежение к нормам нравственности и благопристойности. Попытка более четко очертить сферу порнографического изображения приводит к ее демаркации с эротикой. Так, И. Кон рассматривает эотику как сексуальные чувства, фантазии и переживания, а также все то, что их

стимулирует [3. С. 332]. Трудности же концептуализации возникают практически на каждом шагу, в том числе при осмыслении особенностей изобразительных решений чувственной сферы бытия человека.

Теоретики подчеркивают, что предметом изображения как порнографии, так и эротики является сфера сексуальных отношений, сексуальный акт как таковой [4. С. 99]. На этом их родство заканчивается, и принципиальную идентификационную силу приобретают художественно-эстетические категории. Признание эротики частью искусства позволяет оценивать характеристики, относящиеся к сфере эстетики: черты стиля, особенности знаковых систем и художественного решения. Эротическое изображение рассматривается как особый способ трактовки половых отношений – предлагающее «физическую, натуральную сторону человеческой любви, которая, тем не менее, не является самоцелью отражения, а является его духом, смыслом, основной пружиной развития сюжета» [Там же]. К признакам эротики, как правило, относят акцентуацию психологии, личностных особенностей людей, вступающих в сексуальные отношения; изображение сексуальности как продолжения взаимоотношений, их важную, но не единственную составляющую. Порнографическое же изображение в искусствovedческом дискурсе получает характеристики принципиальной эстетической недостаточности: отсутствие художественной образности, натурализм, превалирование формы над содержанием, деиндивидуализация и депсихологизация образов и т.п. «Порнография не создает художественных образов действительности, а лишь демонстрирует ее сексуальную сферу в подчеркнуто грубой и примитивной манере, выявляя не эмоционально-чувственную, а утилитарно-техническую сторону этой сферы» [Там же. С. 132]. К признакам порнографического изображения относят аналитичность, однозначность, изображение секса как самоцели, отсутствие личностных смыслов сексуального поведения, нарушение культурных норм, ориентацию на стимуляцию сексуального возбуждения, натуралистически подробную фиксацию сцен полового акта, демонстрацию гениталий в процессе сексуального контакта вне художественной или просветительской цели и т.д. [5]. В целом культурологическая экспертиза порнографических материалов, нацеленная на определение историко-культурной и художественно-эстетической ценности объекта, а также на обозначение возможных социальных эффектов, – опирается на перечисленный ряд признаков [6]. Однако их использование в качестве опорных критериев не является гарантией однозначности в решении вопроса художественной ценности.

В первую очередь, не стоит забывать, что эстетические традиции исторически подвижны. Во-вторых, мы обращаемся к современному художественному пространству, сформированному на базе модернистского и постмодернистского мышления. Практически весь спектр сегодняшней аудиовизуальной, медийной, массовой продукции реализует и укореняет традиции искусства, некогда выстроенного на кардинальном разрушении классической эстетической парадигмы, стремящегося к эпатажу, отказывающегося от любых

изобразительных норм и правил, включающего в свою сферу табуированные аспекты. Затруднения искусствознания в вопросах определения критериев произведения искусства XX–XXI вв. в равной степени имеют отношение к вопросам классификации эротического / порнографического содержания. Натуралистичность демонстрации гениталий или полового акта не всегда может решаться однозначно с позиции противоправности и переводиться в сферу юридических санкций. Так, если материалы, имеющие отношение к порноиндустрии оцениваются однозначно, то примеры подлинного искусства (Нагиса Осима, Ларс фон Триер и другие авторы, активно нарушающие границы дозволенного) могут иметь дискуссионный характер. Таким образом, мы подчеркиваем, что анализ особенностей изобразительных решений с целью выявления порнографических признаков в рамках современной художественной культуры не является процедурой, результатом которой неизменно окажется однозначный и очевидный ответ. Причиной затруднений эксперта так или иначе становится эстетический релятивизм.

Включение в определение порнографии такой дефиниции, как пренебрежение к нормам благопристойности и нравственности, в свою очередь, не вносит ясности. Господствующие нормы нравственности и благопристойности не могут рассматриваться вне историко-культурного контекста, вне ценностной системы данной национально-культурной идентичности. Составляющими нравственного чувства являются индивидуальные ценности, включая стереотипы массового мышления, основанные на существующих традициях, обычаях, религиозных постулатах и иных факторах формирования особенностей социальной психики [4. С. 69]. Сексуальная норма, в свою очередь, понятие относительное. И. Кон подчеркивает, что понятие нормы употребляется в моральном смысле, обозначая такое поведение, которое считается правильным в свете существующей системы нравственности. На контекстуальность господствующих норм благопристойности косвенно указывает ретроспективный анализ художественной культуры, демонстрирующий сложный процесс, включающий и периоды жесткого табуирования и определенной свободы выражения тех или иных аспектов половых взаимоотношений. Можно ли надеяться на четкость представлений о пристойном и непристойном в современной культуре – плюралистичной, мозаичной, неустойчивой в своих основаниях, пережившей опыт ироничного постмодернистского сознания, игриво относившегося к любым традиционным ценностям? «Игра со смыслами» является распространенным приемом современной визуальной культуры, допускающей нарушения культурно-исторических норм. В рамках подобного допущения исследуемые материалы могут содержать ироничную дискредитацию представлений любого рода (религиозных, политических, этических, эстетических и т.д.).

Наряду с рисками потенциальной неопределенности анализа порнографии, в общем проблемном поле все же обнаруживается локальное пространство с очевидными характеристиками данного явления. Так, если

с морально-нравственным и эстетическим релятивизмом порноизображений приходится либо неторопливо бороться, либо мириться (поспевая за европейскими либеральными ценностями), то ситуация кардинально меняется на территории «детской порнографии». Однако идентификации ее признаков мешают разнообразные причины, «дезориентирующие» культурологическую экспертизу порнографии с участием несовершеннолетних. Среди таковых мы отмечаем: во-первых, неудовлетворительный ряд закрепленных законодательно дефиниций, характеризующих феномен «детской порнографии»; во-вторых, отсутствие внутренней возрастной классификации несовершеннолетия, четко выделяющей возраст детства.

Определение порнографического изображения несовершеннолетних, предложенное в Комментариях к статье 242.1 Уголовного кодекса, имеет важное значение, поскольку регламентирует экспертизу порнографии. Согласно УК таковыми признаются материалы, содержащие «непристойное, циничное изображение половой жизни несовершеннолетних с акцентированием контакта половых органов», а также «сексуальные извращения, сексуальные контакты, сексуальные манипуляции, извращенное стимулирование непристойного» [7].

Однако заметим, что указанная формулировка предполагает оценку «непристойного, циничного изображения половой жизни несовершеннолетних» применительно ко всей возрастной шкале несовершеннолетия (несовершеннолетними, в соответствии со статьей 87. УК РФ, признаются лица от 14 лет и не достигшие 18-летия). Но анализ соответствия нормам благопристойности в системе сексуальных отношений не может быть юридически равноценен по отношению, например, к изображению, включающему 17-летнего несовершеннолетнего либо включающему 10-летнего ребенка. Если в первом случае (так или иначе) легитимен уровень обсуждения половой жизни в категориях пристойного / непристойного, то во втором – это обсуждение категорически неприемлемо. Детские изображения как таковые, безусловно, могут рассматриваться с позиции пристойное / непристойное, но в принципиально иной системе – в системе несексуальной сферы отношений. Анализ уровня непристойности изображения «половой жизни несовершеннолетних» детей априорно предполагает допущение таковой жизни. Очевидно, необходима граница в пределах возрастной шкалы несовершеннолетия, ниже которой любой формат включения изображения ребенка в качестве эротико-сексуального объекта правомерно квалифицировать как порнографическое и выше которой правомерен собственно анализ несоответствия репрезентативным нормам половых отношений.

Серьезность проблемы в том, что приведенная выше формулировка критериев порнографического изображения несовершеннолетних, не соотносенная должным образом с внутренней возрастной градацией несовершеннолетия, оставляет лазейку (как показывает практика) для распространения особого рода «закамуфлированной» детской порнографии. Это опасный, на наш взгляд, пласт порнографии, не содержа-

щий обозначенный в статье 242 Уголовного кодекса набор характеристик и, соответственно, ускользающий от юридических санкций. Исправить ситуацию возможно при строгом выведении за нормативные и правовые рамки тех художественно-образных систем, смыслы которых выстраиваются на основе сексуально-эротических означающих с участием локальной категории несовершеннолетних. Для этого необходимо дополнительно обозначить границу, ниже которой уголовно наказуемы не только материалы, содержащие порнографические признаки, прописанные в УК, но и те материалы, в которых используются изображения ребенка в качестве сексуально-эротического объекта.

На что можно опереться для определения возрастной границы, за которой неприемлемо включение ребенка в изобразительную систему сексуального дискурса? Например, на возраст сексуального согласия. В российском законодательстве возраст сексуального согласия установлен на уровне 16 лет (начиная с которого человек способен дать осознанное / информированное согласие на половые отношения с другим лицом). Лица, не достигшие 16-летия, обладают половой неприкосновенностью, что закреплено в Уголовном кодексе. Выше же границы 16-летия – в том случае, когда демонстрируются признаки половой, психологической и социальной зрелости, обуславливающие половую свободу, – ее осуществление потенциально возможно в не противоречащих законодательству формах. Другим ориентиром может выступать брачный возраст. Так, брачный возраст, установленный в Семейном кодексе РФ на уровне 18 лет, не совпадает с возрастом согласия, однако его планка опускается до 16-летия при наличии уважительных причин и допускается вступление в брак до достижения 16 лет с учетом особых обстоятельств [8]. Кроме того, с целью повышения эффективности уголовно-правовой защиты права несовершеннолетних на половую неприкосновенность введена внутренняя дифференциация несовершеннолетия: малолетние-несовершеннолетние (не достигшие 14 лет) и несовершеннолетние (не достигшие 18 лет). В свою очередь, с позиции анатомо-физиологических или морфологических возрастных характеристик (в рамках судебно-медицинской экспертизы) принято различать период детства – от рождения до 14 лет [9]. Далее следует молодой возраст – от 15 до 24 лет. Таким образом, искомая нами граница может быть установлена на уровне 14 лет – возраста детства / малолетнего-несовершеннолетнего, ниже которой анализ порнографического содержания требует опоры на гораздо больший набор означающих элементов, нежели перечисленный в упомянутой статье УК, и сам факт использования изображения ребенка в качестве сексуально-эротического объекта желательнее квалифицировать как порнографию.

Фиксируя данный возраст детства, культурологическая экспертиза (учитывающая медицинскую и законодательно-правовую классификацию) расставляет собственные, важные в методологическом плане акценты. Дело в том, что этот период целиком структурируется ценностями и нормами (в том числе изобра-

зительными) культуры детства. Соответственно, мы можем укрепить свои позиции, настаивая на табуировании попыток включения изображений ребенка в изобразительную систему с сексуально-эротическими коннотациями.

Под «культурой детства» понимается совокупность устоявшихся, оформленных в традиции религиозно-этических, правовых, художественно-эстетических норм, образцов и реальных практик поведения взрослого сообщества по отношению к детству [10]. При этом принято разводить культуру детства (рассматриваемую в контексте конкретной исторической эпохи) и субкультуру детства – как поле социальных взаимодействий самих детей. История развития культуры детства, институализация ее форм, юридически-правовое закрепление нормативных составляющих и т.п. требуют отдельного обращения, не входящего в планы данной работы. Однако стоит обратить внимание на оправданно жесткое выведение за пределы культуры детства сексуально-половых отношений, что получило воплощение в законодательных положениях охраны детства от сексуальных посягательств, от информации подобного рода и т.п. Таким образом, наш «узкоспециализированный» интерес акцентирует чужеродность сексуально-эротических значений по отношению к художественным традициям культуры детства.

Далее наметим ряд положений, нацеленных на «профилактику» этической и эстетической неопределенности в данной области анализа. Введение указанных ограничений до 14-летия обуславливает формулировку следующего вопроса: что могут представлять собой означающие элементы (не обнаруживающие внешние явные признаки порнографии согласно статье УК), наличие которых, тем не менее, дает право квалифицировать порнографическое содержание? Речь идет о явлении, которое мы предлагаем обозначить как «закамуфлированная» детская порнография, отличающаяся использованием легитимных приемов выразительности, соответствующих культурным нормам, но несущая при этом сексуально-эротическое содержание. Итак, каким образом возможно формирование подобной художественно-образной системы?

Наиболее распространенным примером «закамуфлированной» детской порнографии, как показывает практика, является использование изображения обнаженного (подчеркнем, с явно видимыми гениталиями) ребенка в возрасте до 14 лет. Речь, безусловно, идет не о любой демонстрации нагого детского тела, а о тех случаях, когда изображение намеренно эротизируется / сексуализируется. Как правило, с этой целью используется широко распространенная в художественной культуре и имеющая давнюю историческую традицию форма демонстрации обнаженной натуры, а именно ее расположение в эстетически организованной среде. Среди таковых: традиционные приемы заполнения фона (вьющиеся растения, цветы, геометрические вертикальные формы, драпировки, светотеневые контрасты); классическая постановка фигур, создающая равновесную композицию; театрализованные позы и т.п. Основным содержанием в этом случае является чувственная выразительность человеческого

тела. Это приемлемо для совершеннолетнего и недопустимо для ребенка, психофизиологический топос которого укоренен в культуре детства, исключающей сферы сексуально-чувственной выразительности.

Следует подчеркнуть, что основными составляющими изобразительной эстетики обнаженного тела являются его целостность, анатомическая полноценность, гармония пропорций, красота и т.п., включая чувственные, сексуально-эротические элементы, характеризующие телесность совершеннолетнего человека. Если же мы зададимся вопросом, каковы слагаемые эстетической художественной выразительности детского обнаженного тела, то вполне очевидно, что она представлена принципиально иными составляющими и не может быть тождественна параметрам взрослого человека. Основными эстетическими ценностями в случае демонстрации ребенка являются непосредственность движений (эффект ситуации «схваченной врасплох»), выражение лица и правдивость образа, вне каких-либо чувственных, эротических контекстов. В случае же статичной постановочной демонстрации обнаженность несовершеннолетнего должна иметь веские основания, оправдывающие его наготу. Культурным нормам и традиции отечественной фотографии соответствует репрезентация, как правило, одетого ребенка либо обнаженного новорожденного в позе, (желательно) скрывающей гениталии [11]. В отечественной художественной традиции существует табу (культурный запрет) на детскую наготу как объект чувственного любования.

На основании вышеуказанного любые примеры присвоения репрезентационной модели обнаженной натуры взрослого человека (допускающей сексуально-эротические элементы, включая видимость гениталий) несовершеннолетнему ребенку следует рассматривать с позиции порнографического содержания. Позирующий ребенок в этом случае как объект съемки оказывается помещен в чуждую художественно-образную систему. И у нас нет гарантий, что данная художественно-символическая процедура осуществлена автором с чистотой эстетических намерений. Более того, мы настаиваем, что подобные используемые художественные приемы являются способом перевода порнографического по характеру изображения несовершеннолетних в легитимную (допустимую культурными нормами) форму эстетической демонстрации. Что, собственно, и оказывается сутью камуфлирования. Основной же целью подобных материалов является демонстрация наготы, что потенциально может способствовать стимулированию непристойных действий по отношению к ребенку.

Другие, не менее опасные приемы камуфлирования порнографического содержания – это те случаи, когда изображение ребенка включается в сексуально-эротическую систему, выстроенную метафорически при отсутствии каких-либо прямых репрезентативных признаков порнографии (циничной демонстрации полового акта, акцентирования контакта половых органов и т.п.) в основе художественно-образного ряда смыслы сексуального характера. Такое возможно, к примеру, при коллажном совмещении детского изображения с объектами, либо обладающими сексуаль-

ными значениями (фалосообразные элементы), либо имеющими к ним прямое отношение (гениталии). Тем самым ребенок оказывается включен в смысловую систему порнографического характера, не будучи «участником» процесса. Непосредственный показ полового акта заменен на его отвлеченную, условно-метафорическую демонстрацию, благодаря «механическому» коллажному приему.

Подводя итоги, подчеркнем наиболее принципиальные моменты. Риски неопределенности результатов культурологического анализа порнографических материалов обусловлены самим характером исследуемого объекта, эстетическим и ценностно-нормативным релятивизмом современной отечественной культуры, а также недостаточной проработанности ряда дефиниций феномена порнографии, закрепленного в законодательстве. Эта ситуация порождает феномен «закамуфлированной» детской порнографии, маскирующей сексуальные смыслы нормативными репрезентативными приемами. Однако некоторые положения способны сыграть роль устойчивых оснований для методологических ориентиров культурологической экспертизы в данной области. Среди таковых нам видится

необходимость дифференцированного анализа по отношению к возрастным группам до и после 14-летия. В этом случае по отношению к группе несовершеннолетия (14–18 лет) применим анализ в категориях соответствия / несоответствия нормам и традициям репрезентации сексуальной сферы. Но любой формат (аудио, видео, фото) изображений ребенка (до 14 лет), включенного в художественно-образную систему сексуальных значений, следует квалифицировать как порнографический. Идентификация же подобной «закамуфлированной порнографии», как показывает практика, возможна посредством искусствоведческого анализа используемых приемов выразительности.

К сожалению, на данном этапе в российском законодательстве ни позирирование обнаженных несовершеннолетних детей, ни включение детских изображений в образно-метафорические системы сексуального характера не квалифицируются как порнографические. Остается надеяться, что тенденция реанимации отечественной национально-культурной идентичности, предусматривающей чрезвычайно бережное отношение к культуре детства, будет способствовать формированию подобных защитных механизмов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Садохин А.П. Теоретико-методологические ресурсы культурологической экспертизы // Культурологический журнал. 2012. № 3 (9). URL: http://www.cr-journal.ru/rus/journals/148.html&j_id=11
2. Шухнин М.Н., Яковлев А.Н. Комплексная экспертиза в расследовании изготовления и распространения детской порнографии // Криминалист. 2008. № 1. С. 59–62.
3. Кон И.С. Введение в сексологию. М.: Медицина, 1989. 339 с.
4. Гитин В.Г., Скорняков Е.И. Феномен порнографии. Опыт неформального исследования. Харьков: Торсинг, 2002. 432 с.
5. Приказ Минкультуры России от 05.03.2001 г. № 192. Об утверждении Руководства по возрастной классификации аудиовизуальных произведений. URL: <http://www.bestpravo.ru/rossijskoje/vg-pravila/15b.htm>
6. Лазарь А.Е. Культуроведческая экспертиза порнографии. URL: <http://www.cneat.ru/porno.htm>
7. Статья 242.1. Изготовление и оборот материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних. Комментарий к статье 242.1 УК РФ. URL: <http://www.ukrf.net/s242.html>
8. Семейный кодекс Российской Федерации (СК РФ). URL: http://www.consultant.ru/popular/family/20_4.html#p112/
9. Судебно-медицинская экспертиза установления возраста. URL: http://thersaint.ucoz.net/news/sudebno_medicinskaja_ekspertiza_ustanovlenija_vozrasta
10. Майорова-Щеглова С.Н. Детство: противоречия и диалог культур. URL: <chrome-extension://oemmnadbldboiebfnladdacbfmadadm/http://www.childsoc.ru/do>
11. Тема ребенка в истории фотографии. URL: <http://makal47.ru/istoriya-fotografii/tema-rebenka-v-istorii-fotografii>

Статья представлена научной редакцией «Культурология» 22 октября 2014 г.

TOPICAL ISSUES OF CULTURAL EXAMINATION OF CHILD PORNOGRAPHY: TOWARDS “PREVENTION” OF ETHICAL AND AESTHETIC RELATIVISM

Tomsk State University Journal, 2014, 389, pp. 112–117. DOI: 10.17223/15617793/389/17

Savelieva Elena N. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: limi77@inbox.ru, kulturtsu@yandex.ru

Keywords: child pornography; signs of pornography; national-cultural identity; cultural examination; domestic culture; culture of childhood.

Currently, of particular relevance is the development of an effective methodological program of pornographic image criteria search. The absence of a holistic concept that would help identify pornographic signs has negative social and cultural consequences. Such theoretical difficulties concern such local areas as pornography involving minors (the so-called “child pornography”). In this article the author draws attention to the lack of an established methodological basis of the analysis of such materials. This adversely affects the practice of cultural examination. An attempt is made to highlight a number of reasons complicating the procedure of cultural examination of pornographic materials. However, the targets are planned to improve the efficiency of detecting signs of pornographic images of minors. First of all, it is aesthetic and moral relativism that characterizes modern culture. It is emphasized that the analysis of features of graphic solutions to identify pornographic signs does not give a clear and obvious results within contemporary art and culture. In turn, the prevailing standards of morality and decency cannot be considered outside of the historical-cultural context, outside the value system of the national-cultural identity. Aesthetic and ethical relativism is a major cause of the expert’s problems. In case of cultural examination of child pornography, one can avoid such relativism. But the effectiveness of finding the signs of pornographic content involving minors is complicated by legislative causes. These include, firstly, the inadequate number of legislated definitions that characterize the phenomenon of “child pornography” and, secondly, the absence of the internal classification of the minority which distinguishes the age of childhood. Article 242 of the Criminal Code of the Russian Federation words the criteria of pornographic images of minors, but it is not correlated properly with the internal age gradation of minority and leaves a loophole (as

experience shows) for distributing a special kind of “camouflaged” child pornography. Thus, the article provides arguments for the revision of the wording of the criteria of child pornography and for the need in the boundaries within the age scale immediately below which any format of using the image of the child as an erotic-sexual object is to be legitimately classified as pornographic, and above which the analysis of discrepancy with the representative norms of sexual relations is legitimate. In the end, a number of provisions aimed at addressing the ethical and aesthetic uncertainty in this analysis are planned.

REFERENCES

1. Sadokhin A.P. Theoretical and Methodological Resources of Cultural Expertise. *Kul'turologicheskiy zhurnal – Journal of Cultural Research*, 2012, no. 3(9). Available at: http://www.cr-journal.ru/rus/journals/148.html&j_id=11. (In Russian).
2. Shukhnin M.N., Yakovlev A.N. Kompleksnaya ekspertiza v rassledovanii izgotovleniya i rasprostraneniya detskoy pornografii [Comprehensive examination in investigating the production and distribution of child pornography]. *Kriminalist*, 2008, no. 1, pp. 59-62.
3. Kon I.S. *Vvedenie v seksologiyu* [Introduction to sexology]. Moscow: Meditsina Publ., 1989. 339 p.
4. Gitin V.G., Skorniyakov E.I. *Fenomen pornografii. Opyt neformal'nogo issledovaniya* [The phenomenon of pornography. Experience of an informal study]. Kharkov : Torsing Publ., 2002. 432 p.
5. Priказ Minkul'tury Rossii ot 05.03.2001 g, no. 192. Ob utverzhdenii Rukovodstva po vozrastnoy klassifikatsii audiovizual'nykh proizvedeniy [Order of the Ministry of Culture of the Russian Federation of 05.03.2001, no. 192. On Approval of Guidelines for Age Classification of Audiovisual Works]. Available at: <http://www.bestpravo.ru/rossijskoje/vg-pravila/15b.htm>.
6. Lazar' A.E. *Kul'turovedcheskaya ekspertiza pornografii* [Cultural examination of pornography]. Available at: <http://www.cneat.ru/porno.htm>.
7. Stat'ya 242.1. Izgotovlenie i oborot materialov ili predmetov s pornograficheskimi izobrazheniyami nesovershennoletnikh. Kommentariy k stat'e 242.1 UK RF [Article 242.1. Production and distribution of materials or objects with pornographic images of minors. Commentary on Article 242.1 of the RF Criminal Code]. Available at: <http://www.ukrf.net/s242.html>
8. Semeynyy kodeks Rossiyskoy Federatsii [The Family Code of the Russian Federation]. Available at: http://www.consultant.ru/popular/family/20_4.html#p112/.
9. *Sudebno-meditsinskaya ekspertiza ustanovleniya vozrasta* [Forensic examination to establish age]. Available at: http://thersaint.ucoz.net/news/sudebno_medicinskaja_ekspertiza_ustanovleniya_vozrasta.
10. Mayorova-Shcheglova S.N. *Detstvo: protivorechiya i dialog kul'tur* [Childhood: contradictions and dialogue of cultures]. Available at: <http://www.childsoc.ru/do>.
11. *Tema rebenka v istorii fotografii* [The theme of the child in the history of photography]. Available at: <http://makal47.ru/istoriya-fotografii/tema-rebenka-v-istorii-fotografii>.

Received: 22 October 2014